

Автор: Кобахия Фарид. М.

Науч. Рук. Доктор и.н. РАН, профессор АГУ. Бгажба О. Х.

Тема: Об абхазо-хеттских параллелях.

Настоящая статья посвящена выявлению общих черт абхазо-хеттских мифо-эпических параллелей. В рамках данного исследования делается упор на сравнительный анализ некоторых сюжетов и мотивов, имеющих не только у носителей абхазского варианта нартского эпоса, но и у древних малоазийских народов.

Глубокое изучение этих параллелей актуально тем, что оно, позволит определить наличие былой общности абхазо-адыго-хаттов, следы которой сохранились в их современной духовной культуре.

Большой вклад в изучение не только обсуждаемой проблематики, но и в целом хеттологии как науки внес известный востоковед В.Г. Ардзинба. В своей работе «Приметы образы «пастуха» в абхазских сказаниях» автор, разъясняя семантику снов хурритского охотника Кесси в свете шаманской практики обращается к мотиву большого дерева в абхазском эпосе встречающегося о чудесах по пути к родителям жены Сасрыквы.(8, С. 42). Этот сон культивируется вокруг того, как новая обувь поднимается по дереву, а старая спускается с него. Дерево тут представляется как «дорога», объединяющая различные миры. В.Г. Ардзинба указывает на некоторые сюжетные сходства охотника Кесси с абхазским культом охоты и связывал с ним особый охотничий язык, отличающийся от языка людей. (3, С. 30). Сопоставляя древние компоненты эпосов этих народов, следует сказать, что охота на Кавказе считалась «святым» «чистым» делом. (5, С. 247). Детальное исследование глубоких традиции института охоты у абхазов и отдельных сказаний об охотнике Кесси выявляет наличие разработанной символики сна в духовной культуре этих народов. В нем говорится: «Когда он (Кесси) разговаривал во сне... Утром (Кесси) рассказывал своей матери свои ночные сновиденья и просил их

истолковать». (1, С. 108) Соответственно охотник Кессий предпочитал, руководствовался символикой сна.

Отметим, что это примитивная символика сна сохранилась в виде отдельных пережитков в быту охотников Абхазии. Об этом может говорить цитируемое свидетельство абхазского охотника из с. Лыхны. «Если Вы запланировали идти на охоту и вдруг Вам приснился образ женщины, то в этот день не следует идти на охоту. Поскольку вам будут сопутствовать неудача».(11). Как представляется, подобные образы видимо, являлись хранителями, защитниками леса и диких зверей. В качестве сравнения представляет интерес подобный хурритский сюжет о том, как пастуху Кесси накануне охоты приснился мужской образ (Даминашшараса) в кругу змей».(1, С. 108).

Рассматривая мотивы, связанные со сном следует привлечь некоторые и другие сюжеты из указанного эпоса. Особо обращает на себя внимание то как, Сатаней, стирает у реки Кубань и на другом противоположном берегу, она замечает пастуха. И самое поразительное, что он на тот момент находится в состоянии покоя, т.е. сна. Эти мотивы данного сюжета характерны и для хеттской мифологии. Следует уточнить, что в эпосе пастухом является Арчьхой (Ерчьхой) (2, С. 184) абх. Иарчьхой, Ерчьхой, Нарчьхой (4, С. 147.) убх. Ерышхой. (7, С. 66). Эти имена сходны с хурритским термином для «серебра» хур. Ushu-|<u| orsxlo (Орсхо). (2, С. 184) Отсюда следует, что имя нартского пастуха Арчьхой (Ерчьхой) может быть связано с хурритской «Песней Серебра».

Заслуживает внимание хеттский миф об исчезнувшем боге плодородия Телепина. Анализ данного мифа показывает, что некоторые сюжеты из абхазского эпоса имеют прямое соотношение к нему.

Если в хеттской мифологии главным побудителем ото сна бога Телепину является пчела, то в абхазском варианте нартского эпоса им является женская персона, т.е. Сатаней Гуашья. Очевидно, что в древнее хеттской мифологии засвидетельствованы сюжеты,

обнаруживающие прямую связь с абхазскими сказаниями, связанными со сном.

Как была выше сказано, между хурритским и нартским эпосами в сюжетах о рождении каменного героя обнаруживаются любопытные параллели. Однако в абхазской традиции мотив о рождении героя излагается по-разному. В одних сказаниях он рождается из пули, врезавшись в камень, в другой - из стрелы, вонзённой в камень, в третьей - из семени, извергнутому на камень. (7, С. 50). Заметим, что во всех представленных вариантах фигурирует камень, из которого рождается герой. Данный аспект исследования историй рождения нартского героя в сопоставлении с некоторыми хеттскими мифо-эпическими сюжетами о рождении хурритского героя из камня, могут служить аргументом в пользу генетической близости двух этих мифом. Рассматриваемый нами мифический эпос «Песнь об Уликуми» восходит к древне хурритскому эпосу и переведенному на хеттский язык в XIII в. до н.э. (XIV). (8, С. 50).

Первая параллель проявляется в мотиве оплодотворения скалы. Из отдельных рассказов эпоса известно, как на скале появляется образ будущего героя. Ему аналогичен сюжет, из хурритского эпоса, отражённый в "Песне об Уликума". В нем конкретизируются основные моменты, связанные с рождением героя из камня. Сюжеты повествуют о заговоре Кумарби против своего сына, который отнял у него место царя богов.(9, С. 143) Решив покончить со своим сыном, Кумарби оплодотворил большую скалу, впоследствии чего появляется «каменный» герой Уликума. (2, С. 53) Учитывая, что в архаических мифах происхождение человечества связана с грозой, поражающей камень, следует прояснить, что хеттское нарицательное имя существительное *reguna* значит «скала». В хурритском же мифологическом эпосе *reguna* представлен главным образом как женское существо. (8, С. 50) Более того, на наш взгляд, с точки зрения

лингвистики данное слово, образованное с помощью суффикса -па- или -упа- от *peru- per*, может быть сопоставлено с названием камня в адыгском эпосе - абрэ и с основой -абыр-, образующее имя героя абхазского эпоса Абыр-скил, Абр-скил, Абра-скил. (4, С. 159).

Следует полагать, что «скала», упоминающаяся в абхазских сказаниях в связи с рождением нартского героя, подобна ассоциации скалы с женским образом из хурритской мифологии, должна выступать в образе женщины «прародительницы». Главным ее оплодотворителем следует считать бога грозы Кумарби сына бога Ану.(10, С. 199). В эпосе речь идет о нескольких актах оплодотворения совершенных где-то не берегу р. Тигр. Весьма убедительно, что верховное божество абхазского пантеона Анцва не только созвучно с последним, но и в функциональном отношении идентично с ним. Учитывая генетическую близость этих сюжетов абхазского бога Анцва следует интерпретировать в роли оплодотворителя скалы. Примечательно, что младенец, т.е. будучи герой не являлся утробным. В абхазском же эпосе выбитый на камне нартским пастухом образ героя был вручен Сатаней-Гуаши. Та поместила его под мышку и носила его круглый год втайне от людей (7, С. 38). Подобный вариант рождения героя вне материнского лона и дальнейшее вынашивание его отчетливо прослеживается в «Песне об Улликумме». Эпос гласит; «Прошло время, и разродилась скала Холодного озера крепеньким малышом. Боги Судьбы взяли его и отнесли к Кумарби, (и) положили (его) на колени».(1, С. 91). Итак, очевидно, что мотивы оплодотворения и дальнейшее вынашивание младенца в обоих мифологических эпосах совпадают.

Общие истоки этих сюжетов обнаруживаются в обозначении героя, как *KunKuzzi* (т.е. из камня), с детерминативом *NA-* «камень» а также употребление его в хеттском переводе хурритского эпоса /ср. в част. *NI. TuE-as-ma-ssi NA4-as na 4Ku [Nk] unuzziyas DU- anza./*. Данная строка значит как «Тело его заделано (рождено) из кункунуции». Это дает

основание считать, что kunkunuzzi- это наименование материала какой-то разновидностью из которого сделано тело Уликумми. (4, С. 158). Для сравнения обратимся к некоторым деталям адыгского эпоса. Имеется ввиду постоянный эпитет героя Лыаццэ лы-кьуаци. Данный эпитет указывает на цвет тела и обычно переводится как «смуглый» «черный». (4, С. 158). Таким образом, этот эпитет представляет собой архаизм, восходящий к цвету камня, из которого рождается герой. Черный цвет героя может быть сопоставлен с хетт. кункунуции. Следует сказать, что сказания о рождении героя из камня позволяет допустить общую основу этого мифа.

Примечания.

1. А. Немировский. Мифы древности. Ближний Восток. «Лабиринт» 2001г.
2. А. Петросян. Армянский эпос и мифология. Ереван 2002г.
3. В.А. Чирикба. Научное наследие Владислава Ардзинба.// Материалы Первой Международной Конференции, Посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба.// Сухум 2011г.
4. В.Г. Ардзинба. Нартские сюжеты о рождении героя из камня// Древняя Анатолия. М 1985г.//
5. Е.Б. Вирсаладзе. Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии.//Сказание о Нартах Эпос Народов Кавказа//. М 1969г.
6. Ш.Д. Инал-ипа. Памятники Абхазского Фольклора. Сухум 1977г.
7. Л.Х. Акаба. Из мифологии Абхазов. Сухум 1976.
8. З.Д. Джапуа. Вклад В.Г. Ардзинба в Нартаведение. // Материалы Первой Международной Конференции, Посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба.//
9. Л. С. Клейн. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. Санкт-Петербург 2007.

10. Шумеро-аккадская мифология. Режим доступа - <http://www.istoria.ru>.
11. Пация Заур (Наджука), (48 л., с. Лыхны г. Гудаута 20. 01. 2015).